

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

- Питер Уоттс. *Ложная слепота*
Питер Уоттс. *Эхопраксия*
Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*
Йен Макдональд. *Бразилья*
Адам Робертс. *Стеклянный Джек*
Дэниэл Суарез. *Поток*
Грег Иган. *Город перестановок*
Джеймс Камбиас. *Темное море*
Сборник «*Край бесконечности*»
Тед Косматка. *Мерцающие*
Йен Макдональд. *Новая Луна*
Роберт Чарльз Уилсон. *Хронолиты*
Сборник «*Голос Лема*»
Ричард Морган. *Видоизмененный углерод*
Ричард Морган. *Черный человек*
Питер Уоттс. *Морские звезды*
Йен Макдональд. *Волчья Луна*
Ричард Морган. *Сломленные ангелы*
Ричард Морган. *Пробужденные фурии*
Питер Уоттс. *Водоворот*
Яцек Дукай. *Идеальное несовершенство*
Цезарий Збешковский. *Всесожжение*
Питер Уоттс. *Бетагемот*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ТАДЕ ТОМПСОН

РОУЗУОТЕР

Перевод Романа Демидова

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Т56

Серия «Звезды научной фантастики»

Tade Thompson
ROSEWATER

Печатается с разрешения издательства
Little, Brown Book Group Limited
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Роман Демидов*

В оформлении использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

© 2016 Tade Thompson
© Роман Демидов, перевод, 2019
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Лайи и Хантеру,
Отцу и сыну*

Глава первая

РОУЗУОТЕР: 2066

Сорок минут работы в «Честном банке» — и меня одолевает тревога. Обычно день начинается именно так. На этот раз дело в свадьбе и выпускном экзамене. Не в моей свадьбе и не моем экзамене. Из кресла у окна мне виден, но не слышен город. С такой высоты кажется, что в Роузуотере все в порядке. Кварталы, дороги, улицы, поток машин, лениво огибающих купол. Отсюда можно разглядеть храм. Окно слева от меня, а я сижу за одним концом овального стола с еще четырьмя контрактниками. Мы на пятнадцатом, последнем этаже. Над нами открыт люк, квадратный, со стороны где-то в метр, и только защитная решетка отделяет нас от неба. Синего, с белыми крапинами облаков. Солнце еще не жарит, это будет позже. Несмотря на открытый люк, в комнате работает кондиционер — трата энергии, за которую «Честный банк» еженедельно штрафуют. Они готовы понести убытки.

Справа от меня зевает Бола. Она беременна и в последнее время сильно устает. Еще она много ест, но,

полагаю, этого стоило ожидать. За те два года, что мы знакомы, она уже второй раз на сносях. Я не вполне понимаю беременность. Я единственный ребенок и вырос без питомцев или домашнего скота. Знания подцеплял то здесь, то там, а биологией никогда не интересовался. За исключением микробиологии, которую пришлось выучить позднее.

Я пытаюсь расслабиться и сосредоточиться на клиентах банка. Снова накатывает предсвадебный мандраж.

В центре стола возвышается голографический телесуфлер. Пока что он состоит из случайных световых завихрений, но через несколько минут оживет и выдаст текст. В комнате по соседству с нашей заканчивает работу ночная смена.

— Я слышала, они вчера вечером Дюма читали,— говорит Бола.

Она просто болтает. Не имеет значения, что читала другая смена. Я улыбаюсь и ничего не отвечаю.

До свадьбы, которую я чувствую, осталось три месяца. Невеста набрала несколько фунтов и не знает, перешивать ей платье или сходить на липосакцию. По моему, у женщин бывает две красоты. Внешняя, которая видна всем, и внутренняя, тайная красота, истинная, которую женщины показывают лишь тем, кого любят.

Бола красивее, когда беременна.

— Шестьдесят секунд,— сообщает динамик.

Я отпиваю воды из стакана. Остальные контрактники — новички. Они не одеваются по всей форме, как мы с Болой. Они носят топы, футболки и железки в волосах. У них телефоны-имплантаты.

Я ненавижу любые имплантаты. У меня только один. Стандартный локатор без всяких расширений. Скучно на самом деле, но это требование нанимателя.

Страх перед экзаменом утихает, прежде чем я успеваю изолировать и прощупать источник. Ну и ладно.

Куски металла, которые молодежь цепляет на волосы, добыты из разбившихся самолетов. Лагос, Абуджа, Джос, Кано и все, что между ними, — с начала нулевых самолеты в Нигерии падали на каждом внутреннем маршруте. Люди носят куски фюзеляжей как защитные амулеты.

Среди нас есть сияющие. Мы узнаем их с первого взгляда — вихрь подхватывает нас и притягивает к ним, как и всех остальных. Бола как раз из таких. Иногда я ловлю себя на том, что смотрю на нее, не зная почему. Она частенько ловит мой взгляд и подмигивает. Сейчас распаковывает свой завтрак — несколько свертков с мой-мой¹.

— Начали, — говорит динамик.

Текст «Государства» Платона, написанный прозрачными, голографическими буквами, медленно и ровно плывет по цилиндрическому дисплею. Я начинаю читать, и остальные тоже, одни молча, другие вслух. Мы входим в ксеносферу и устанавливаем банковский файервол.

Каждый день около пятисот клиентов проводят здесь денежные транзакции. Дикие сенситивы щупают

¹ Мой-мой, или мойн-мойн, — традиционное нигерийское блюдо, фаселевый пудинг с перцем и луком, который заворачивают в банановые листья.

и тыкаются, пытаюсь извлечь из воздуха персональные данные. Я имею в виду даты рождения, ПИН-коды, девичьи фамилии матерей, предыдущие сделки — все, что лежит в переднем мозге каждого клиента, в рабочей памяти, и ждет, когда его выковыряют голодные, необученные пираты-телепаты.

Контрактники вроде меня, Болы Мартинез и металлоголовых обучены отражать их атаки. Что мы и делаем. Читаем классику, чтобы затопить ксеносферу нерелевантными словами и мыслями, создать информационный файервол, который пробирается даже в подсознание клиентов. Один профессор это как-то исследовал. Он обнаружил связь между материалом, из которого строится стена, и действиями клиентов в течение следующего года. Человеку, никогда не открывавшему Шекспира, без всяких видимых причин могут прийти в голову цитаты из «Король Лира».

При желании мы можем отследить вторжения, но банку это неинтересно. Затевать суды по поводу преступлений, совершенных в ксеносфере, трудно и дорого.

В очередях к банкоматам так много людей, так много забот, и страстей, и желаний. Я устал процеживать чужие жизни через свое сознание.

«Вчера я ходил в Пирей вместе с Главконом, сыном Аристана, помолиться богине, а кроме того, мне хотелось посмотреть, каким образом справят там ее праздник,— ведь делается это теперь впервые. Прекрасно было, по-моему, торжественное шествие местных жителей, однако не менее удачным оказалось и шествие

фракийцев. Мы помолились, насмотрелись и пошли обратно в город...»¹

Входя в ксеносферу, ты проецируешь собственный образ. Необученные, дикие сенситивы проецируют себя, но профессионалы вроде меня умеют создавать контролируемый, самостоятельно выбранный я-образ. У меня это грифон.

Я-образы диких неточны, не совпадают с ними сегодняшними. Это непреднамеренно. Нужно время, чтобы ментальный образ совпал с настоящим человеком, и у каждого оно свое. У облысевшего человека я-образ может быть косматым еще много лет.

Мой первый сегодняшний нападающий — средних лет мужчина из городского дома в Йоле. Он выглядит исхудавшим, с очень темной кожей. Я шугаю его, и он отступает. Его место занимает подросток, так быстро, что, я думаю, они физически находятся в одном и том же месте, на одной хак-ферме. Преступные группировки порой набирают сенситивов и увязывают их в «мумбайское комбо» — что-то вроде колл-центра с серийными хакерами.

В любом случае все это я уже видел. Мне становится скучно.

Во время обеденного перерыва один из металлологов подходит и садится рядом со мной. Заводит разговор о делах, рассказывает мне о едва не пропущенном вторжении. На вид ему двадцать с небольшим, он еще в восторге от того, что оказался сенситивом, и все-

¹ Перевод А. Н. Егунова.

то ему кажется новым, свежим и волнующим — полная противоположность циника, полная моя противоположность.

Он, должно быть, влюблен. В его я-образе заметна близость. Он достаточно хорош, чтобы замаскировать другого человека, но не настолько, чтобы скрыть наличие отношений. Рядом с ним мне видна тень, призрак. Из вежливости я об этом не упоминаю.

Его куски металла свернуты в распятия и закреплены на одинокой косе среди коротко стриженных волос. Та спускается с головы вдоль левого виска, обрачивается вокруг шеи и исчезает под воротником футболки.

— Я — Клемент,— говорит он.— Я заметил, что ты не называешь меня по имени.

Это правда. Две недели назад нас познакомил банковский менеджер, но я тут же забыл его имя и с тех пор использовал только местоимения.

— Меня зовут...

— Ты — Кааро. Я знаю. Тебя знают все. Прости, но я не могу не спросить. Правда, что ты был в Утопия-сити?

— Это слухи,— говорю я.

— Да, но эти слухи — правда? — спрашивает Клемент.

Солнце за окном катится по небу чересчур медленно. Почему я здесь? Что я делаю?

— Я не хотел бы об этом говорить.

— Пойдешь сегодня вечером? — спрашивает он.

Я знаю, что будет вечером. У меня нет желания идти.

— Возможно,— отвечаю я,— я могу быть занят.

— Чем?

Парень больно любопытный. Я думал, мы вежливо перебросимся парой слов, а теперь мне приходится сосредоточиться на нем, на своих ответах. Он улыбается, он дружелюбен и общителен. Надо отвечать тем же.

— Я буду там с семьей,— говорит Клемент.— Может, сходишь с нами? Я отправлю свой номер тебе на телефон. Там соберется весь Роузуотер.

Как раз это мне и не нравится, но Клементу я ничего не говорю. Получаю его номер и из вежливости делюсь своим, но ничего не обещаю.

До конца рабочего дня я получаю еще четыре приглашения на Открытие. Большую часть отклоняю, но Бола не из тех людей, кому я могу отказать.

— Мой муж снял квартиру на вечер,— говорит она и вручает мне бумажку с адресом. В ее неодобрительном взгляде я читаю, что если бы у меня был нормальный имплантат, нам не пришлось бы губить деревья.— Не ешь заранее. Я кое-что приготовлю.

К восемнадцати ноль-ноль последние клиенты разошлись, и мы печатаем за терминалами, регистрируем попытки взлома, сверяемся, выясняя, не было ли проникновений, шутить уже нет сил. Никаких ответов на отчеты о происшествиях мы никогда не получаем. Ни анализа паттернов, ни графика тенденций. Эти данные поглощает бюрократическая черная дыра. Только-только начало темнеть, и мы все вернулись в собственные головы, но в пассивном режиме подключены к ксеносфере. Я смутно осознаю, что идет шах-

матная партия, но мне плевать, между кем. Я не играю и поэтому не понимаю хода игры.

— Привет, Грифон, — говорит кто-то.

Я сосредотачиваюсь, но он исчезает. Она исчезает. Женщина, однозначно. Я ловлю зыбкий образ распустившегося цветка, чего-то синего — и все. Я слишком устал или мне лень идти по следу, поэтому отправляю свою документацию и заполняю электронную ведомость.

Спускаюсь в лифте на первый этаж. Я никогда толком не видел банка. У контрактников есть доступ к скоростному лифту. Он никак не маркирован и управляется охранником, который видит нас, хотя мы не видим ни его, ни его камеру. С тем же успехом все это может быть магией. Лифт выглядит как довольно изящная деревянная шкатулка. Кнопок в нем нет, и вести тут доверительные разговоры — просто глупо. На этот раз, когда я выхожу, лифтер говорит: «Счастливого Открытия». Я киваю, не зная, в какую сторону отвечать.

В фойе пусто, темно. Колонны похожи на викторианских мертвецов, которых поставили на ноги, чтобы сфотографировать. Обычно, когда я иду домой, здесь кто-то есть, но сегодня, разумеется, персоналу разрешили уйти пораньше в честь Открытия.

Уже совсем стемнело. Сияние от купола Утопия-сити заливает все вокруг, хоть и не настолько ярко, чтобы можно было читать. Окружающие здания заслоняют прямой вид, но свет обрамляет каждую высотку слева, точно восходящее солнце, и отражается в окнах справа. Вот поэтому в Роузутере нет уличных фонарей. Я направляюсь к станции Алаба, на платформу для поездов, едущих по часовой стрелке. На улицах

ни души, за исключением полицейской, которая проходит мимо, помахивая дубинкой. На мне костюм, поэтому она меня не трогает. Возле уха гудит комар, но ему, кажется, не интересно пробовать мою кровь. Когда я добираюсь до платформы, подмышки у меня слегка намокают от пота. Сегодня теплый вечер. Я набираю сообщение своей квартире, чтобы сделала внутреннюю температуру на градус ниже внешней.

Станция Алаба запружена работниками из торгового района, и змеи очередей выползают на улицу, но почти все они едут против часовой стрелки, на станцию Кехинде, которая ближе всего к Открытию. Я немного колеблюсь, прежде чем покупаю билет. Планирую съездить домой и переодеться, но сомневаюсь, смогу ли спокойно добраться до Болы и ее мужа. На какой-то миг непроизвольно вхожу в ксеносферу, и меня прошивает горячий, влажный поток ярости супруга-рогоносца. Обрываю связь и глубоко вздыхаю.

Еду домой. Хоть мне и досталось место у окна, откуда виден купол, на Утопия-сити я не смотрю. Замечая отраженный свет на лицах других пассажиров, закрываю глаза, хотя это не отсекает аппетитный запах акары¹ или звук их пустой болтовни. Говорят, что в Роузутере каждому хотя бы раз за ночь, хотя бы недолго, снится Утопия-сити. Я знаю, что это неправда, потому что мне он никогда не снился.

То, что мне удалось сесть в поезде,— подтверждение того, как всех манит Открытие. Обычно вагоны так забиты, что чуть не лопаются, и жарко в них не из-за

¹ *Акара*, или *акараже*, — обжаренные в пальмовом масле шарики из коровьего гороха, часто с начинкой.